УДК 821.161.1.0 DOI: 10.31249/lit/2025.04.02

ПОДОСОКОРСКИЙ Н.Н.[1] НАПОЛЕОН И ВОШЬ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»[©]

Аннотация. Статья посвящена анализу парадоксального противопоставления в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Наполеона и вши. Родион Раскольников, мечтающий стать новым петербургским Наполеоном, воспринимает убийство старухи-процентщицы Алены Ивановны как свой путь к величию, и при этом многократно и последовательно называет ее «вошью». Рассматривается природа странной болезни Раскольникова, чаще всего определяемой в романе как «лихорадка». Доказывается, что «Наполеон» и «вошь» для главного героя на самом деле не антагонистичны, но образуют своего рода людоедский симбиоз.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Наполеон; вошь; «Преступление и наказание»; война 1812 года; лихорадка в литературе.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Наполеон и вошь в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 29–44. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.02

Поступила: 17.05.2025 Принята к печати: 31.07.2025

PODOSOKORSKY N.N.[2] Napoleon and the louse in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*[©]

[1] **Подосокорский Николай Николаевич** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-6310-1579; n.podosokorskiy@gmail.com

© Подосокорский Н.Н., 2025

[2] **Podosokorsky Nikolai Nikolaevitch** – Candidate in Philology, Senior Researcher; Research Centre "Dostoevsky and World Culture", Institute for World Literature RAS; ORCID: 0000-0001-6310-1579; n.podosokorskiy@gmail.com

© Podosokorsky N.N., 2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of the paradoxical juxtaposition of Napoleon and the louse in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. Rodion Raskolnikov, who dreams of becoming the new Napoleon of St. Petersburg, perceives the murder of an old woman, Alyona Ivanovna, as his path to greatness, and at the same time repeatedly and consistently calls her a "louse". The nature of Raskolnikov's strange illness, most often defined in the novel as "fever", is considered. It is proved that "Napoleon" and "louse" are not really antagonistic for the main character, but form a kind of cannibalistic symbiosis.

Keywords: F.M. Dostoevsky; Napoleon; the louse; *Crime and Punishment*; the War of 1812; fever in literature.

To cite this article: Podosokorsky, Nikolai N. "Napoleon and the louse in F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2025, p. 29–44. DOI: 10.31249/lit/2025.04.02 (In Russian)

Received: 17.05.2025 Accepted: 31.07.2025

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) бедный петербургский студент Родион Раскольников, вынужденный покинуть университет и живущий впроголодь, пытается в одночасье стать новым Наполеоном, парадоксально связывая эту свою внутреннюю трансформацию с убийством старухи-процентщицы Алены Ивановны, которой он заложил свои фамильные кольцо и часы. Он так и признается Соне Мармеладовой: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318][1]. При этом герой видит, главным образом, *эстетическую* разницу между тем, с чего начинал Наполеон свой путь к славе и величию в конце XVIII века, и тем, с чего «наполеоновский» путь пришлось начинать уже ему самому в середине 1860-х годов:

> Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у

[1] См. также новейшие исследования о наполеонизме Раскольникова и наполеоновском мифе в «Преступлении и наказании» [Подосокорский, 2022а], [Подосокорский, 2022б], [Подосокорский, 2023б], [Подосокорский, 2024].

ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом «вопросе» я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было! [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319].

Но если убийство старухи-процентщицы внешне не выглядит для героя как «красивая и монументальная вещь» вроде Тулона, Египта и перехода через Монблан, хотя на какое-то время и сохраняет сущностные характеристики качественного перехода его в разряд людей необыкновенных и право имеющих, то как он сам описывает первую значимую «взятую крепость» или «выигранную битву»? Удивительно, но на всем протяжении романа Раскольников настойчиво и последовательно называет убитую им Алену Иванову «вошью», странным образом основывая именно на ее устранении свое гипотетическое карьерное восхождение. «Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную», – говорит Родион Соне [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320]. Впоследствии он это же повторяет и в разговоре с сестрой Дуней: «Преступление? Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 400].

В другом месте Раскольников, впрочем, поясняет, что «вошь» – не столько конкретная убитая им старуха, сколько вообще обыкновенный человек, на которого подлинный властелин именно так и должен смотреть:

И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? – то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? – то, стало быть, уж не вошь человек *для меня*, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько

дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? – так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321].

Герой еще не раз обращается к этой теме, мучительно рассуждая – «Наполеон» ли он сам или всего-навсего «вошь»? Его внутренний конфликт между стремлением стать тираном, на котором «не тело, а бронза», Зевесом, располагающим судьбами простых людей, и осознанием того, что он не способен *равнодушно* приносить людей в жертву своим амбициям (до тех пор, пока не поверит, что они не люди, а всего-навсего – вши), обнажается в следующем его монологе:

Эх, **эстетическая я вошь**[1], и больше ничего, – прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный. – Да, **я действительно вошь**, – продолжал он, с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, – и уж по тому одному, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что **я вошь**; потому, во-вторых, что целый месяц всеблагое провидение беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель, – ха-ха! Потому, в-третьих, что возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику: **из всех вшей выбрал самую наибесполезнейшую** и, убив ее, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию – ха-ха!)... Потому, потому **я окончательно вошь**, – прибавил он, скрежеща зубами, – потому что сам-то я, может быть, еще **сквернее и гаже, чем убитая вошь**, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью! Да разве с этаким ужасом что-нибудь может сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, как я понимаю «пророка», с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся «дрожащая» тварь! Прав, прав «пророк», когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке! [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211–212].

В подготовительных материалах к роману сопоставление Наполеона и «вши» имело характер одновременно как соподчиненности, так и враждебности: «А завтра же меня другой Наполеон за вошь сочтет и под Маренго истратит. А может, и просто из-

[1] В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным – автору настоящей статьи.

за угла топором истратит» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 152]. И если в последнем предложении речь идет о непосредственном истреблении «другим Наполеоном» «вши», как своего личного врага или выбранного объекта для прямого нападения, то в первом «вошь», напротив, представлена как человеческий ресурс, лояльный и подвластный полководцу, то есть под «вошью» понимается и любой солдат, обожающий своего командующего и готовый по мановению его руки отправиться на смерть. В другой записи из подготовительных набросков эта разница практически уничтожается: «Почему истратить 100 000 при Маренго – не то, что истратить старуху» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 93]. В романе же глагол «истратит / тратит» применительно к Наполеону однозначно указывает на расходование им своих подчиненных в военных походах, причем победная для Наполеона битва при Маренго 1800 г.[1] заменена в окончательном тексте произведения гораздо более кровопролитным и при этом неудачным для его Великой армии Московским походом 1812 г.: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит[2] полмиллиона людей в московском походе и отделывается каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и всё разрешается. Нет, на этаких людях, видно, не тело, а бронза!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211].

Многократное повторение Раскольниковым слова «вошь» в разных его вариациях побуждает проанализировать этот концепт в контексте наполеоновского мифа, поскольку Наполеон и вошь оказываются крепко соединены в сознании протагониста. На самом поверхностном уровне интерпретации можно отметить, что речь идет о противопоставлении великого и ничтожно малого. Так, в литературе наполеоновской легенды разные авторы часто называли императора французов великаном, исполином, титаном, гигантом, а его недоброжелателей или вообще простых людей перед ним – пигмеями. Например, герцогиня д'Абрантес (1784–1838) пишет в своих мемуарах о хулителях Наполеона: «<…> да и можно ли сохранить умеренность, слыша и читая нелепости? Можно

[1] О восприятии Достоевским Второй итальянской кампании Наполеона 1800 г., включающей битву при Маренго, см.: [Подосокорский, 2025].

[2] Источником этой фразы применительно к Наполеону может быть «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» Ф.К. Шлоссера. Об этом см.: [Подосокорский, 2023а, с. 70–71].

ли это, прислушиваясь к лаю, мяуканью, кваканью и карканью над памятью великого человека, великого столько, что если б эти пигмеи вздумали измерить его высоту взглядом, у них сделалась бы болезнь шеи» [Абрантес, 1835–1839, т. 4, с. 248][1]. Однако очевидно, что герой Достоевского пошел гораздо дальше этого расхожего сравнения, уподобляя людей обыкновенных не просто карликам или мелким зверям, или даже насекомым, но вполне конкретному виду паразита, питающемуся кровью, хотя именно Наполеона его противники еще при его жизни называли «людоедом» [Троицкий, 2020, т. 2, с. 389, 474], да и сам Раскольников называет подобных ему законодателей и установителей человечества «особенно страшными кровопроливцами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200].

И все же возникает вопрос, почему противопоставленная Наполеону старуха в представлении главного героя – именно и непременно «вошь»? По всей видимости, дело вовсе не сводится к тому, что она «из бедных сок высасывала», и что это всего лишь одна из метафор моральной оценки «отрицательных человеческих качеств» (с этим связывает метафоры насекомых в творчестве писателя Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2023, с. 56]) или конкретно людоедства (об этом см.: [Ковалевская, 2025, с. 197–198]), ибо видов кровососущих паразитов, давно ставших объектами метафоризации антропофагии и вампиризма в мировой литературе, немало – это и клопы, и блохи, и клещи, и другие, но герой, раз выбрав определение для убитой им старухи, больше от него ни на шаг не отступает[2]. Только единожды Алена Ивановна названа в романе

[1] Б.Н. Тихомиров, комментируя слова Раскольникова, сказанные Соне: «Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322], приводит также высказывание Гёте (в записи И.-П. Эккермана) о «недосягаемости» Наполеона: «Так я не могу отделаться от мысли, что демоны, желая подразнить и подурачить человечество, время от времени позволяют возникнуть отдельным личностям, столь обольстительным и великим, что каждый хочет им уподобиться, однако возвыситься до них не в состоянии. Они позволили возникнуть *Рафаэлю*, мысль и деяния которого одинаково совершенны. Иным одаренным потомкам удавалось к нему приблизиться, но никто не возвысился до него. <…> Ведь и Наполеон недосягаем. <…>» [Эккерман, 1986, с. 329], [Тихомиров, 2024, с. 412].

[2] Н.С. Антропова ошибочно пишет, что Раскольников называет старуху-процентщицу также и «пауком» [Антропова, 2022, с. 9], однако в тексте романа этого нет. Напротив, с «пауком» герой сравнивает себя самого: «Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки выса-

сразу и «вошью», и «тараканом», однако эти слова принадлежат не Раскольникову, а другому студенту, который рассказывает в «плохоньком трактиришке» молодому офицеру о той самой процентщице (герой становится случайным свидетелем их беседы): «Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает[1]: она намедни Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 54].

Итак, глядящий в Наполеоны Раскольников после убийства Алены Ивановны упорно и многократно называет ее «вошью», воспринимая ее устранение как средство для достижения своих целей. В истории реального Наполеона, истратившего полмиллиона людей в Московском походе, платяная вошь (как переносчик возбудителя сыпного тифа) считается одним из заметных факторов его поражения в России, а значит, и дальнейшего крушения Первой империи. По некоторым подсчетам, до 80% смертности от всех болезней Великой армии Наполеона в ходе кампании 1812 г. приходилось именно на сыпной тиф [Гладышев, 2021, с. 97][2]. В.Н. Земцов в обстоятельной обзорной статье «Гибель наполеоновской армии в России: роль эпидемий» (2025) приводит выдержки из множества источников первой половины XIX в., проливающих свет на сей счет (работы Керкхофа, Диллениуса, Лемазюрье, Ларрея, Говорова, Рооса и др.), делая при этом такой вывод: «В 1835 г. известный партизан, герой войн с Наполеоном Д.В. Давыдов опубликовал небольшую книгу под названием “Мо-

сывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

[1] Т.А. Касаткина отмечает, в связи с выражением «заедает жизнь», которое Достоевский дважды употребляет в романе: «Человек может питаться только человеком: но это может быть зверским пожиранием и уничтожением того, кто выбран в жертву моему выживанию, а может быть взаимным кормлением друг друга на пути к обожению, когда вольная жертва растит и питает жертвующего еще в большей степени, чем того, кто принимает жертву и только учится отдавать сам» [Касаткина, 2023, с. 107].

[2] Гладышев также заключает: «Читая сайты некоторых антропологов и историков медицины, может сложиться впечатление, что Наполеон проиграл кампанию 1812 г. вовсе не русской армии и даже не “Генералу Морозу”, а вшам. “Во время отступления Наполеона I из России в 1812 г. от тифа умерло больше французских солдат, чем было убито русской армией”. 20% всех потерь при отступлении из России, вероятно, связаны с тифом, это более 100 000 человек» [Гладышев, 2021, с. 97].

роз ли истребил французскую армию в 1812 году?". Мы, обращаясь к вопросу о том, истребил ли армию Наполеона в 1812 г. тиф, совершенно определенно, вслед за размышлениями Д.В. Давыдова, можем заявить: да, тиф, как и мороз, сыграл заметную роль в ходе событий "двенадцатого года", но определяющим фактором, предрешившим исход войны, стала "скифская тактика" русских, с неизбежностью обрекавшая и их самих на гигантские лишения и нечеловеческие страдания. Это была плата за победу над неприятелем и сохранение национальной независимости» [Земцов, 2025, с. 114–115].

И хотя рядом исследователей истории медицины считается, что платяная вошь была определена как переносчик возбудителя тифа лишь в начале XX в., Земцов на основе исследования огромного корпуса документов и мемуаров о войне 1812 г. и других кампаниях подвергает этот тезис сомнению: «Современные историки медицины, как правило, склонны весьма скептически относиться к уровню представлений медиков рубежа XVIII–XIX вв., которые, дескать, даже не представляли, что переносчиком сыпного и возвратного тифа были платяные вши, и которые (медики) предлагали достаточно путаную классификацию и не очень внятную симптоматику заразных болезней, а тем более, способы борьбы с ними. Однако наше обращение к военно-медицинским публикациям начала и середины XIX в. заставляет предположить, во-первых, о достаточно верных с точки зрения практической медицины того времени, когда отсутствовали антибиотики, современный уровень санитарии и бытовой гигиены, представлениях о главных причинах появления эпидемий и возможных (опять же на уровне того времени) способах борьбы с ними[1]. Кроме того, почти с неизбежностью возникает предположение о том, что различные формы тифа и дизентерии той эпохи по своей природе и проявлению заметно отличались от подобных болезней в последующее время» [Земцов, 2025, с. 81].

В подтверждение мнения Земцова можно также привести фрагмент из мемуаров французского врача Доминика Пьера де ля Флиза (1787–1861), участвовавшего в Московском походе 1812 г. и взятого в плен русскими при отступлении Великой армии (после

[1] Подробнее о тогдашних способах борьбы с тифом в условиях военного времени можно прочесть в монографии «Военная медицина Российской империи в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.» [Будко, Журавлев, Бринюк, 2018, с. 110–112].

войны он многие годы работал в России, став профессором Императорской Московской медико-хирургической академии, старшим врачом управления Киевских государственных имуществ, надворным советником). Де ля Флиз, столкнувшись в декабре 1812 г. с эпидемией тифа среди русского населения, в частности заключает, что заражение, скорее всего, произошло через отнятое казаками «платье больных наших солдат, которое они сдирали с них для своего употребления» [Флиз, 2003, с. 84].

В любом случае воспоминания участников Московского похода Наполеона пестрят рассказами о платяных вшах, как о повальном бедствии, постигшем Великую армию. Например, французский сержант полка фузелеров-гренадер Адриен Жан Батист Бургонь (1785–1867) вспоминает, как при отступлении из Москвы он внезапно на отдыхе обнаружил на себе паразитов:

> Один солдат роты притащил мне для спанья тростниковые циновки; разостлав их перед костром, я улегся, положив голову на ранец, а ноги протянул, к огню. Не прошло и часа, как я отдыхал. Вдруг я почувствовал по всему телу невыносимый зуд. Машинально я провел рукою но груди и по другим частям тела; каков же был мой испуг, когда я убедился, что весь покрыт паразитами. Я вскочил, как ужаленный, в одну минуту разделся догола и бросил в огонь рубашку и панталоны. Все это затрещало на огне, и хотя на мое тело падали крупные хлопья снега, однако я не замечал холода, так я был взволнован этим приключением. Наконец я вытряхнул над огнем остальную свою одежду, без которой не мог обойтись, и облекся в последнюю остававшуюся у меня смену белья. Печально, чуть не плача, я уселся на свой ранец, и, подперев голову руками, покрывшись своей медвежьей шкурой, провел остаток ночи вдали от проклятых циновок, на которых раньше спал [Бургонь, 2003, с. 52–53].

Впрочем, избавление от ставшей опасной одежды помогло Бургоню ненадолго – вскоре его опять «съедали паразиты» [Бургонь, 2003, с. 55], от которых в походных условиях полностью избавиться не было никакой возможности.

Немецкий врач Генрих Ульрих Людвиг фон Роос (ок. 1780–1840), участвовавший в Русской кампании Наполеона в качестве главного хирурга 3-го Вюртембергского конноегерского полка принца Людвига (этот полк входил в состав 13-й легкой кавалерийской бригады 2-й легкой кавалерийской дивизии 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии [Земцов, Попов, 2004, с. 622]) в

своих мемуарах, впервые изданных в Петербурге в 1832 г.[1], также описывает повальное бедствие в виде платяных вшей, постигшее отступающую из Москвы Великую армию и уравнивающее рядового солдата и главнокомандующего:

Во время этой стоянки [в Орше. – *Н. П.*] искали также возможности запастись бельем, но мало кому это удалось. Нечистоплотность была слишком велика и поголовна, чтобы можно было разом отделаться от нее; даже граф фон Шелер оказался тут в одинаковом положении с другими и, найдя в своем белье паразитов, заметил, что в эту войну главнокомандующий стоит по этой части на одном уровне с барабанщиком и обозным солдатом [Роос, 2003, с. 109–110].

О засилии вшей вспоминает и полковник, командир артиллерии 3-го кавалерийского корпуса Ш.П.Л. Гриуа (1772–1839):

Пока готовилась наша безвкусная похлебка, мы пользовались первыми минутами отдыха, чтобы истреблять паразитов, которыми мы были покрыты. Это страдание надо испытать, чтобы понять его; оно стало истинной пыткой, которая еще увеличивалась от отвращения, внушаемого ею. Несмотря на доступное в походе соблюдение чистоты, совсем избавиться от этих гостей почти невозможно, оставаясь в одной и той же одежде несколько дней, а иногда и несколько недель. Итак, **со времени нашего похода в Россию немногие из нас избежали этой неприятности. Но со времени отступления она обратилась в бедствие**, да и как могло быть иначе, когда мы, во избежание убийственного ночного холода, принуждены были не только никогда не раздеваться, но и покрываться всеми лохмотьями, которые нам попадались, и занимать малейшее свободное местечко на биваках, с которых ушли другие, или в жалких лачугах, куда нам удавалось проникнуть? Таким образом, эти паразиты страшно размножались. Рубашки, жилеты, платье были ими заражены. Страшный зуд не давал нам спать часть ночи. Он стал до того нестерпимым, что я чесанием сорвал кожу в части спины, и жжение в этой отвратительной и страшной ране казалось мне приятным по сравнению с зудом. Все мои товарищи были в том же положении: мы не стеснялись в наших грязных поисках и, не краснея, могли производить их друг перед другом [Наполеон в России, 2004а, кн. 2, с. 324].

[1] О жизни Рооса, взятого в плен русскими при Березине, и о различных изданиях его мемуаров см.: [Миловидов, 2008]. После пленения Роос поступил на русскую службу и дослужился до должности главного доктора Мариинской больницы в Петербурге. Почти наверняка он как коллега был знаком с отцом Ф.М. Достоевского, М.А. Достоевским, работавшим с 1821 по 1837 г. штаб-лекарем Мариинской больницы в Москве.

А по свидетельству камердинера Наполеона Луи Констана Вери (1778–1845)[1], неоднократно вши проникали даже на одежду самого императора, вынужденного при отступлении из Москвы все чаще находиться в антисанитарных условиях:

Quoique l'empereur eût presque toujours son lit, les pauvres abris dans lesquels on le dressait étaient souvent si sales que, malgré les soins que l'on prenait pour les nettoyer, j'ai plus d'une fois trouvé dans ses vêtemens une vermine fort incommode et très-commune en Russie. Nous avons plus que l'empereur souffert de cette malpropreté, étant privés, comme nous l'étions, de linge propre et d'autres vêtemens de rechange; car la plus grande partie de nos effets avaient été brûlés avec les voitures qui les contenaient. Cette mesure extrême avait été prise, comme l'on sait, pour une bonne raison. Tous les chevaux étaient morts de froid ou de besoin [Constant, 1830, vol. 5, p. 154][2].

Достоевскому подобные факты могли быть известны и из устных рассказов отца, опытного врача Михаила Андреевича Достоевского (1789–1839), участника войны с Наполеоном, – его медицинская служба началась осенью 1812 г. в качестве помощника лекаря 1 класса И.Е. Дядьковского, занятого борьбой с эпидемией тифа в Верейском уезде [Сараскина, 2011, с. 45], [Хроника рода Достоевских, 2012, с. 90]. Как пишут специалисты: «Эпидемии тифа затронули все районы, по которым проходила отступавшая французская армия. Тиф фиксировали в Московской, Рязанской, Могилевской, Минской и других губерниях. Свирепствовала эпидемия в оставленной противником сожженной Москве» [Будко, Бринюк, 2021, с. 231]. Иными словами, если предположить, что некоторые медики того времени отнюдь не были столь некомпе-

[1] Достоевский, с его повышенным и неизменным интересом к наполеоновской эпохе, вполне мог читать мемуары Констана на французском языке, и, во всяком случае, его, несомненно, интересовала сама личность наполеоновского слуги. Констан несколько раз упоминается в романе «Идиот», причем в связи с фантастическим рассказом генерала Иволгина о Московском походе Наполеона [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415, 417].

[2] «Хотя у императора почти всегда была своя постель, бедные укрытия, в которых ее размещали, часто были настолько грязными, что, несмотря на заботу об их очистке, я не раз находил в его одежде паразитов, весьма неудобных и очень распространенных в России. Мы больше, чем император, страдали от этой нечистоты, будучи лишены свежего белья и другой запасной одежды; ибо большая часть наших вещей сгорела вместе с экипажами, в которых она находилась. Эта крайняя мера была принята, как известно, по веской причине. Все лошади пали от холода или нужды» (перевод мой. – *Н. П.*; за консультацию по переводу благодарю Т.Г. Магарил-Ильяеву).

тентными, как это было принято думать в XX в., и умели связывать эпидемию тифа с платяными вшами, то Достоевский мог обыграть этот момент в своем романе.

Заметим, что сыпной тиф, «болезнь скверны, перенаселенности и нищеты», чаще всего называлась «лихорадкой» (fièvre): «гнилостная лихорадка», «больничная лихорадка», «тюремная лихорадка», «лагерная лихорадка», «венгерская лихорадка», «инфекционная нервная лихорадка» и т.п. [Гладышев, 2021, с. 93]. Это было связано с тем, что начало заболевания тифом характеризуется, прежде всего, ознобом и лихорадкой, а также головной болью. Именно как «лихорадка» чаще всего определяется и странная болезнь Раскольникова, охватившая его после совершения им «пробы» у старухи, причем «лихорадка» героя в тексте впервые упоминается сразу после первого же сравнения старухи с «вошью»[1]:

Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения. Между тем стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажигать. Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в то время? Наконец **он почувствовал давешнюю лихорадку**, озноб, и с наслаждением догадался, что на диване можно и лечь. Скоро крепкий, свинцовый сон налег на него, как будто придавил [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 55].

«Лихорадочная суета» охватывает Раскольникова, когда он собирается идти на убийство старухи-«вши»:

Но на лестнице было всё тихо, точно все спали... Дико и чудно показалось ему, что он мог проспать в таком забытьи со вчерашнего дня и ничего еще не сделал, ничего не приготовил... А меж тем, может, и шесть часов било... И **необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдруг**, вместо сна и отупения [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 56].

[1] Позднее Раскольников называет убитую им процентщицу не только вошью, но и «болезнью»: «Старушонка вздор! – думал он горячо и порывисто, – старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело! Старуха была только болезнь... <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]. Очевидно, что Алена Ивановна для героя – это «вошь» и «болезнь» не материального, а метафизического плана, ибо Раскольников сразу же акцентирует внимание на особой *чистоте* ее жилища: «В углу перед небольшим образом горела лампада. Всё было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; всё блестело. “Лизаветина работа”, – подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. “Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота”, – продолжал про себя Раскольников <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 9].

Когда же Родион приходит к старухе, то перед самым убийством уже сам ставит себе диагноз:

– Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат! Искупался, что ль, батюшка?

– **Лихорадка, – отвечал он отрывисто.** – Поневоле станешь бледный... коли есть нечего, – прибавил он, едва выговаривая слова. Силы опять покидали его. Но ответ показался правдоподобным; старуха взяла заклад [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 62].

После убийства лихорадка привязывается к Раскольникову прочно и надолго:

В первое мгновение он думал, что с ума сойдет. **Страшный холод обхватил его; но холод был и от лихорадки, которая уже давно началась с ним во сне**. Теперь же вдруг ударил такой озноб, что чуть зубы не выпрыгнули и всё в нем так и заходило [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 71].

Мигом вывернул он карман, и – так и есть – на подкладке кармана есть следы, пятна! «Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался! – подумал он с торжеством, глубоко и радостно вздохнув всею грудью, – **просто слабосилие лихорадочное, бред на минуту**», – и он вырвал всю подкладку из левого кармана панталон [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 72].

– Мне принесли всего четверть часа назад, – громко и через плечо отвечал Раскольников, тоже внезапно и неожиданно для себя рассердившийся и даже находя в этом некоторое удовольствие. – **И того довольно, что я больной в лихорадке пришел** [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 77].

Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во всё время болезни: **это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием** [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 92].

Он сходил тихо, не торопясь, **весь в лихорадке** и, не сознавая того <...> [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 146].

Опять лихорадка!.. Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет? Верно, вздор; для чего бы подмигивать? Нервы, что ль, хотят мои раздражить али дразнят меня? Или всё мираж, или *знают*... [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 196].

И т.д.

Болезнь Раскольникова, как уже не раз писали разные достоевисты, имеет, главным образом, духовный характер, но для нас здесь важно подчеркнуть, что странная «лихорадка» героя напря-

мую связана с его преступлением, которое он сам описывает как убийство «зловредной вши». И хотя, на первый взгляд, лихорадка главного героя, в отличие от тифа, как будто не заразна, пророческий сон о трихинах, вселяющихся в тела людей, который герой видит в эпилоге, говорит, скорее, об обратном. Да и весь роман посвящен тому, что извращенные идеи века могут быть не менее заразительными и смертоносными, чем болезни чисто медицинского характера.

В заключение еще раз заметим, что пара *Наполеон* и *вошь* образует для Раскольникова своего рода людоедский симбиоз: вошь питается кровью простых людей, заражая и медленно убивая их, а Наполеон обращает людей во «вшей», чтобы их было легче «тратить», не задумываясь об угрызениях совести. Герой не может стать Наполеоном, потому что если и способен убить другого, как это делает вошь, то все же не готов до конца расчеловечить живых людей, переведя их в разряд «вшей».

Список литературы

1. [*Абрантес, герцогиня*]. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов : в 16 т. / пер. с фр. К. Полевого. – Москва : в Тип. Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1835–1839.
2. *Антропова Н.С.* Образы насекомых в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского : материалы всероссийского симпозиума, Москва, 23–24 октября 2021 года. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2022. – С. 4–16.
3. *Будко А.А., Журавлев Д.А., Бринюк Н.Ю.* Военная медицина Российской империи в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. – Москва : Научно-политическая книга, 2018. – 327 с.
4. *Будко А.А., Бринюк Н.Ю.* Санитарно-эпидемиологическая ситуация в России и борьба с эпидемиями во второй половине 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXIV Международной научной конференции, Бородино, 07–09 сентября 2020 года. – Бородино : Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», 2021. – С. 230–237.
5. *Бургонь А.-Ж.-Б.* Мемуары. – Москва : ООО «Наследие», 2003. – 176 с.
6. *Гладышев А.В.* Прощальный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг. // Французский ежегодник. – 2021. – Т. 54. – С. 91–144.
7. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1972–1990.

8. *Земцов В.Н., Попов А.И.* Роос // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / руководитель авторского коллектива В.М. Безотосный. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 622.
9. *Земцов В.Н.* Гибель наполеоновской армии в России: роль эпидемий // Эпоха 1812 года : Исследования. Источники. Историография. XXI : сборник материалов, посвященный памяти А.А. Смирнова / ред.-сост.: В.М. Безотосный, К.Г. Игошин. – Москва : Кучково поле, 2025. – С. 73–129.
10. *Касаткина Т.А.* Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 4(24). – С. 93–128.
11. *Ковалевская Т.В.* Мимикрическая поэтика Достоевского. – Москва : РГГУ, 2025. – 305 с.
12. *Миловидов Б.П.* Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. – Можайск, 2008. – С. 307–317. – URL: http://www.adjudant.ru/captive/mil06.htm (дата обращения: 14.06.2025).
13. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев : в 2 кн. / пер. с фр. и нем. ; сост.: А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. – Москва : Захаров, 2004.
14. *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022а. – № 4 (20). – С. 71–135.
15. *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022б. – № 2 (18). – С. 89–143.
16. *Подосокорский Н.Н.* «История» Ф.К. Шлоссера в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2023а. – № 33. – С. 65–77.
17. *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023б. – № 2 (22). – С. 57–105.
18. *Подосокорский Н.Н.* От Ликурга до Наполеона: великие законодатели человечества в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 153–174.
19. *Подосокорский Н.Н.* «Истратить 100 000 при Маренго». Вторая итальянская кампания Наполеона в восприятии Ф.М. Достоевского // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2025. – № 2. – С. 24–38.
20. *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. – Москва : Наследие, 2003. – 208 с.
21. *Сараскина Л.И.* Достоевский. – Москва : Молодая гвардия, 2011. – 825 с.
22. *Тихомиров Б.Н.* «Вот у вас ползет клоп …» (Из наблюдений над «энтомологией Достоевского») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 3(23). – С. 43–65.
23. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : книга-комментарий. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Серебряный век, 2024. – 576 с.

24. *Троицкий Н.А.* Наполеон Великий : в 2 т. / подг. к публ. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020.
25. *Флиз де ла.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. – Москва : ООО «Наследие», 2003. – 168 с.
26. Хроника рода Достоевских: Родные и близкие : историко-биографические очерки / под редакцией И.Л. Волгина. – Москва : Фонд Достоевского, 2012. – 1232 с.
27. *Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман ; вступ. статья Н. Вильмонта ; коммент. и указатель А. Аникста. – Москва : Худож. лит., 1986. – 669 с.
28. [*Constant*]. Mémoires de Constant, premier valet de chambre de l'empereur, sur la vie privée de Napoléon, sa famille et sa cour : en 6 volumes. – Paris : Ladvocat, 1830.